

И. И. МУЛЛОНЕН (Петрозаводск)

ВЕПССКАЯ ЛАНДШАФТНАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В ГИДРОНИМИИ БАССЕЙНА р. ОЯТИ

В бассейне Ояти, южного притока р. Свири, находится скопление вепских поселений. Исторические, археологические и этнографические источники позволяют утверждать, что вепсы, проживающие в верховьях и частично по среднему течению реки, в прошлом населяли всю территорию Приожья вплоть до устья Ояти. Начало контактов вепсов исследуемого региона с русским населением относится к XI—XII вв. — времени проникновения древних новгородцев на Свирь и ее притоки. С тех пор русское население в Приожье сосуществует с вепским, причем в результате ассимиляции вепсов территория, заселенная русскими, расширялась. Примером ассимиляции может служить засвидетельствованное письменными источниками полное обрусение за последнее столетие вепских поселений на Свирско-Оятском перешейке. В деревнях, население которых в середине XIX в. одинаково владело как вепским, так и русским языком (Lönnrot 1902 : 221), где еще в конце века записаны некоторые образцы вепской речи (Tunkelo 1946 : 5), уже в 20-х годах нашего столетия почти все говорили по-русски (Малиновская 1930 : 166). В настоящее время население этого района полностью русское. Однако в топонимической системе сохраняются следы недавнего вепского заселения. Нагляднее всего они в гидронимии, менее других топонимических классов изменяющейся во времени. Гидронимы вепского происхождения в русском словоупотреблении подверглись определенной морфологической и фонетической адаптации: *kaidjärvo* → *Кайд-озеро*, *vehkoja* → *Вехкручей*, *haboja* → *Габуй*, сохранив, однако, в большинстве случаев вепскую основу. Этот факт позволяет привлекать для исследования вепской гидронимии, особенно в области семантики и этимологии, названия водных объектов на обрусевшей территории Приожья.

Приожье богато водными объектами. Картотека гидронимов, составленная на основе полевых сборов и данных письменных источников и карт, включает более 2 тыс. названий. С точки зрения происхождения гидронимия бассейна Ояти многослойна и отражает основные этапы заселения территории. Вепский пласт, предшествующий русскому и частично сосуществующий с ним, наиболее многочислен. Гидронимия представляет собой богатый источник местной географической терминологии. Термины ландшафта закрепляются в ней как в самостоятельном употреблении, так и в качестве элементов сложного названия.

Детерминанты вепских гидронимов не отличаются разнообразием. Они обозначают разновидность называемого объекта и выражены соответственно географическими терминами *jogi* 'река', *järvo* 'озеро', *oja*

'ручей' и *so* 'болото': *äimäjogi, laikjärv, mahoja, houdso*. При этом термин *jogi* чрезвычайно редок в названиях рек Приюжья; последние чаще всего одночленны (*kapš, kurb, sondal, pötk*) или же оформлены при помощи определяемого компонента *-oja*. Кроме того, можно отметить реликты употребления в качестве детерминанта сложных гидронимов элемента *-sara (-сара)*: *kondisara, Куйсара, Ленсара, Пойсара*. Аппелятив *sar ~ sara* бытует в вепском языке в значении 'развилка (раздвоенный ствол или сук); разветвление'. Можно, однако, предполагать, что за лексемой закреплялось и гидрографическое значение 'ответвление, приток реки', о чем свидетельствует употребление ее в роли детерминанта в сложных по структуре наименованиях рек. По прибалтийско-финской двухкомпонентной структурной модели определяемый компонент, или детерминант, указывает на разновидность называемого объекта. Кроме того, атрибутивные элементы в гидронимах на *-sara (-сара)* этимологизируются с помощью вепского языка: *kondisara < kondi* 'медведь', *Куйсара < kuiu* 'сухой', *Ленсара < lep* 'ольха', что служит косвенным подтверждением вепского происхождения детерминанта.

Рассматриваемый ландшафтный термин представлен в гидронимии Приюжья также в самостоятельном употреблении и в качестве атрибутивного элемента сложных названий. Более десятка небольших рек и ручьев бассейна р. Ояи называются *sar, sara, šarajogi, saraoja ~ saraoja* на вепской территории, *Сара, Сарка* в районах русского заселения. Помимо этого в Ленинградской области отмечено 15 рек с названиями *Сара, Сарка* в бассейне р. Паши, с юга прилегающего к Приюстью (Шанько 1929 : 624).

Значительно большим разнообразием ландшафтных терминов характеризуется атрибутивный элемент сложных вепских гидронимов. Известно, что употребление географических терминов для характеристики гидрообъектов и прилегающих к ним территорий представляет собой один из основных способов номинации водных объектов. Наши наблюдения показывают, что в основе примерно 30 процентов гидронимов Приюжья лежат ландшафтные термины, причем в подавляющем большинстве они имеют прозрачную внутреннюю форму, т. е. этимонами их выступают живые вепские лексемы.

Ниже представлены некоторые примеры вепских гидронимов с этимонами — ландшафтными терминами. Вначале приводятся вепские (при наличии русского соответствия оно дано в скобках), затем русские по употреблению гидронимы. Цифра в скобках после названия указывает на количество гидрообъектов с искомым наименованием. Сокращенное обозначение гидрообъекта приводится лишь при отсутствии детерминанта или в случае несоответствия его характеру объекта.

johtoja (Ехтойручей), Юхтозеро < *joht* 'старлица'.

kaņgazjärv (Кангасозеро), *kaņgazjärv ~ kaņgahiņejärv* (Кангозеро), Кангасручей, Кангас бол. < *kaņgaz* 'бор, сухое возвышенное место'.

ladjärv, ladvoja, Ладбозеро (2), Ладвое руч., Ладвозеро (2), Ладвозеро ~ Ладгозеро, Ладручей < *ladv* 'верхушка, макушка', здесь 'вершина, исток реки'.

mägijärv ~ mäggjärv (Мягозеро), *mägoja, Мягозеро, Мягручей* < *mägi* 'гора, холм, возвышенность'.

ojařv ~ ojajärv (Оезеро), *ojařv* (2), Ойозеро, Оежи ~ Оежский Мох бол. < *oja* 'ручей'. В последнем примере можно предполагать образование от демуниативной формы аппелятива: *ojeiņe : ojeižen*.

org бол., *Орга* руч., *Оргое* руч., *Оргозеро* < *org* 'низина'.

salmjärvo (Сальмозеро), *salmjärvo* (Большое Сольмозеро), *salmoja*, *Салма* ~ *Саума* р., *Салмакса* р., *Сальмручей* < *salm* 'пролив'.

Рядега руч., *Рядь-Корба* бол. < *räde* 'еловая чаща, густой ельник'.

В приведенных топонимах местные географические термины отражают особенности рельефа, ландшафта, и значение, заключенное в них, отвечает характеру географической реалии. Топонимы по происхождению, как известно, мотивированы и выражают определенное свойство географического объекта. Однако в процессе функционирования топонима в системе географических имен дотопонимическое значение, т. е. внутренняя форма его, отступает на задний план: важной оказывается адресно-указательная функция. Несущественность семантической наполненности приводит к тому, что лексема, по каким-либо причинам утраченная языком или диалектом, продолжает жить в топониме и как факт ономастики представляет собой звуковой комплекс, не отягощенный смысловым содержанием. Гидронимический материал Прионтия подтверждает этот тезис. Помимо названий с этимологически прозрачными этимонами, выраженными ландшафтной терминологией, в гидронимии Ояти существует большая группа названий, вепское происхождение которых не столь очевидно. Этимоны их выявляются лишь в ходе этимологического анализа, проводимого на широком сопоставительном фоне с привлечением данных других прибалтийско-финских языков, а также севернорусских говоров.

Ниже рассмотрены некоторые топонимические основы ландшафтного содержания, вепское происхождение которых затемнено.

vadag- ~ *vadağ-*: *vadağ* ~ *vadaoja*, *vadoğ* (*Вадожка*), *vadaoja* (*Вадручей*), *vadajärvo*, *vadaso*, *Вадога* р., *Вадога* ~ *Вадожка* р., *Вадаксо* бол., *Вадогои* оз. Ср. также три реки *Вадога* ~ *Вадогои* и оз. *Вадожное* на водоразделе рек Оять и Капша, южнее бассейна Ояти. Основа *vada-*, представленная в названиях смежных объектов *vadaoja*, *vadajärvo*, *vadaso*, восходит к форме *vadag-* ~ *vadağ-*, которая выявляется, например, из наименований располагающихся по ручью *vadaoja* покосов *vadağedñütud*. Косвенным свидетельством в пользу этой исходной формы служит факт, что характерного для вепской гидронимии бассейна р. Ояти выпадения конечного гласного двусложной атрибутивной части перед детерминантом *-oja* (*čogojä* < **čogaoja*, *čuroja* < **čura-oja*, *kivoja* < **kivioja* и т. д.), а также выпадения *j* в сложных лимнонимах между гласными (*kodarvo* < **kodajärvo*, *mudarvo* < **mudajärvo*, *redarvo* < **redujärvo*) не происходит, по-видимому, в силу аспирации на месте выпавшего *g* в гидронимах *vadaoja* и *vadajärvo*.

Восстанавливаемый в качестве этимона наименований апеллятив **vadag* ~ **vadağ* не известен современным вепским говорам, однако родственные языки позволяют высказать некоторые предположения относительно смыслового содержания лексем. В финских говорах известен географический термин *vataja* с широким спектром значений, большая часть которых объединяется вокруг смыслового стержня 'сырое болотистое место' (SKES). С точки зрения фонетических закономерностей возражений для сопоставления **vadag* ~ **vadağ* с фин. *vataja* не возникает; ср. фин. *kajava* (диал. *kajä*, *kaija* < **kajaja*), вепс. *kajag* 'чайка'; фин. *majava* (диал. *majä* < **majaja*), вепс. **majag* 'бобер' (в гидронимах *majagjärvo*, *majagoja*), фин. *kataja*, вепс. *kadag* 'можжевельник'; *vataja*, **vadag* входит, вероятно, в этот же ряд. Данное сопоставление подтверждает и характер географической реалии: термин закрепился в названиях болот, рек и озер с низкими заболоченными бере-

гами. Дополнительным фактором, подтверждающим существование в вепском языке в прошлом рассматриваемого ландшафтного термина, являются русские говоры Приюстья и прилегающих территорий, в которых словом *вадога* называют зарастающие, высыхающие болота, пожни в низких сырых местах по берегам озер и речек (Словарь).

В гидронимах на территории современного и прежнего проживания вепсов в Приюстье обнаруживаются и другие видовые ландшафтные термины со значением 'болото, болотистое место', не поддающиеся этимологизации с помощью данных современного вепского языка, однако интерпретируемые на материале других прибалтийско-финских языков, — факт, позволяющий предполагать, что набор терминов, входящих в рассматриваемое семантическое гнездо, был в прошлом в вепском языке более обширным.

kubl-: *Кублое руч., Кублойское бол.*, ср. кар. диал. *kublu, kupla, kuplo, kuplu* 'мягкая топкая земля, трясина' (KKS), *kubluš-šuo* 'топкое болото' (SKES).

land-: *landjärv, landoja, landikso, Ландозеро* (3). Родственные прибалтийско-финские языки помогают найти этимон названия и установить его значение: ср. фин. *lanto* 'низина', *lantta, lantto* 'низина, небольшое углубление, лужа', эст. *land*, лив. *laņd* 'лужа' (SKES). В пользу былого существования в вепских говорах Приюстья географического термина **land* косвенно свидетельствует способность его к образованию производных. В гелониме *landikso* он оформляется суффиксом с коллективным значением *-ik* (ср. *koivik* 'березняк', *habik* 'осинник').

lem-: *lemjärv (Лемозеро), letoja* (3), *Лемъярвь оз., Лемречка ~ Лимречка ~ Лима р., Лемайка бол., Лимозеро*. Рассматриваемый топонимический корень функционирует как самостоятельный географический термин в некоторых родственных языках: фин. *lemi* 'водянистое болото, сырой луг', кар. *lemi* 'ил, грязь, зыбкая земля', ливв. *lemi* 'трясина', люд. *lemi, letu* 'ил, трясина, мох на воде (в болоте)' (SKES). Переход *e* в *i* в некоторых названиях на территории русского Приюстья представляет собой характерную особенность местных севернорусских говоров (Жуковская 1961 : 59).

lev-: *levoja, levakso, Левозеро, Лебозеро, Лебье* (2) бол. Сопоставляется с фин. *levä* 'сырое место, зыбкая земля; бывшее озеро или болото' (SKES). Передача вепс. *v* через *b* наблюдается и в других гидронимах русского Приюстья: *Кайбое руч.* < *kaiiv* 'колодец', *Кибручей* < *kivi* 'камень', *Ладбозеро* < *ladv* 'верхушка, макушка', *Койбозеро, Койбыжа р.* < *koiv* 'береза' и др.

vend-: *venso (Венц-болото), vendakso, Вендозеро, Вяндручей*. Для приведенных названий приемлемо сопоставление с фин. *vento* 'топкий, рыхлый, водянистый (земля, болото); торфяное болото, топкое место' (SKES).

Рассмотрены некоторые восстанавливаемые по топонимическим данным ландшафтные термины, объединяемые в одно семантическое гнездо — 'низкое болотистое место'. Подобному анализу могут быть подвергнуты и топонимические основы, входящие в другие семантические гнезда, например, название р. Пудас (нижнее Приюстье) сопоставимо с фин. *pudas* 'рукав реки, приток' и может, таким образом, подтверждать былое существование в вепских говорах данного видового ландшафтного термина.

Среди географических терминов, обозначающих положительные формы рельефа, можно отметить встречающийся в топонимии элемент *kik-*. Высказано несколько предположений относительно его происхож-

дения. М. Фасмер и А. И. Попов сопоставляют лимноним *Кукозеро* с фин. *kukko*, вепс. *kukoi* 'петух' (Vasmēr 1934 : 380; Попов 1948 : 170, 173). Думается, однако, что этимон с подобной семантикой более характерен для ойконимии, где рассматриваемая основа выступает в роли антропонима. Для гидронимов, особенно наименований озер, более оправдана в семантическом отношении саамская интерпретация (см. Nissilä 1962 : 114; Матвеев 1979 : 8): саам. *kukk*, *kukes* 'длинный'. Среди гидронимов бассейна Ояти имеется несколько подтверждаемых географической характеристикой — вытянутой формой гидрообъекта — названий саамского происхождения: *Кукасское оз.*, *Кукасозеро*, *Кукаскара* — залив озера, возможно, *Кукас-речка* ~ *Куказое р.*

Предлагаемая нами этимология топонимического элемента основывается на том, что в Приолятье он закрепляется за наименованиями каких-либо возвышенных мест, а в гидронимах зачастую вторичен. Примеры: *kukahoumhed* ~ *kukohoumhed*, расположенное на склоне горы поле (*houmhed* < *houmeh* 'подсечное поле'); *kukiharj*, небольшая горка, а также поле и озеро (оз. Кукояр в архивных документах XIX в.) у ее подножья. В прибалтийско-финских языках *harja* (вепс. *harj*) означает вершину, гребень (горы, крыши, волны и т. д.), вепс. *harj* 'гребень (птицы)'; *Кукахарья* ~ *Кукогорье* ~ *Кукова Гарь*, возвышенный участок на берегу р. Ояти, а также деревенька там же. На средней и нижней Ояти известны: *Куккола*, урочище на высоком месте; *Кукова Гора*, урочище; *Кукуйское поле*; *Куков Кряж*, урочище; *Куково*, холмистое урочище.¹ К топонимам с рассматриваемой основой, возможно, при- мыкает *kokoimägi*.

Закрепление топонимического корня в названиях возвышенных участков позволяет предполагать, что указанная географическая особенность должна была отразиться в его значении. Предложение это подтверждается при обращении к лексике прибалтийско-финских языков; ср. фин. *kukku* 'коническая верхушка, вершина горы, холма' и производные *kukkula* и *kukkura* со сходным значением. Лексема имеет соответствия почти во всех прибалтийско-финских языках, в северновепском диалекте известен ландшафтный термин *kukkaz* 'холм, горка'. Топонимический материал Приолятья, таким образом, дает основание для предположения о закреплении за рассматриваемой вепской топоосновой значения 'возвышенное место, холм, горка'. Ставший в определенный момент непонятным, топонимический корень *kuk* под действием народноэтимологических тенденций мог сблизиться с *kukoi* 'петух'.

Относительная бедность зафиксированной в словарях вепской ландшафтной терминологии может объясняться и тем, что она, как впрочем, и вся вепская лексика, поздно стала объектом лингвистического исследования. Первые разрозненные данные о ней относятся к середине и второй половине прошлого столетия.

В такой ситуации топонимические свидетельства оказывают неопценную помощь, донося до нас закрепившиеся на более ранних ступенях развития общества в местных названиях географические термины.

ЛИТЕРАТУРА

- Жуковская З. В. 1961, О типах говоров Южного Приладожья и Прионежья. — Ученые записки Псковского педагогического института. Вып. 7, 55—71.
Малиновская З. П. 1930, Из материалов по этнографии вепсов. — Западно-фин-

¹ В материалах Севернорусской топонимической экспедиции Уральского государственного университета по Вытегорскому району Вологодской области, т. е. к востоку от Приолятья, зафиксированы горки *Кукки*, *Кукова Гора*, *Куковая Гора*.

ский сборник. Труды по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран 16, Ленинград, 163—200.

Матвеев А. К. 1979, Древнее саамское население на территории Севера Восточно-Европейской равнины. — К истории малых народностей Европейского Севера СССР, Петрозаводск, 5—14.

Попов А. И. 1948, Топонимика Белозерского края. — Серия востоковедческих наук, вып. 2. Советское финно-угроведение, Ленинград, 164—174 (Ученые записки Ленинградского государственного университета).

Словарь русских народных говоров, вып. 4, Ленинград 1969 (= Словарь).

Шанько Д. Ф. 1929, Реки и леса Ленинградской области, Ленинград.

Elias Lönnrotin matkat. II osa. Vuosina 1841—1844, Helsinki 1902 (SKST 98).

Nissilä, V. 1962, Suomalaista nimestöntutkimusta, Helsinki (SKST 272).

Tunkelo, E. A. 1946, Vepsän kielen äännehistoria, Helsinki (SKST 228).

Vasmer, M. 1934, Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas II. Die ehemalige Ausbreitung der Westfinnen in den heutigen slavischen Ländern. — Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse XVIII, Berlin, 151—440.

I. I. MULLONEN (Petrozavodsk)

WEPSISCHE LANDSCHAFTSTERMINOLOGIE IN DER HYDRONYMIE IM OJAT'-FLUSSBECKEN

Die Hydronymie ist eine reiche Quelle zur Untersuchung örtlicher geographischer Begriffe, die als Determinanten und Attribute zusammengesetzter Namen gebraucht werden. Das Attribut zeichnet sich durch eine besonders große Vielfalt der landschaftlichen Begriffe aus. Etwa 30% der Hydronyme wepsischer Herkunft im Ojat'-Flußbecken sind mit Hilfe eines geographischen Begriffes gebildet worden. Der Wert des von uns gesammelten Ortsnamaterials besteht darin, daß hier außer lebenden wepsischen Wörtern auch aus der Sprache verschwundene Appellative vertreten sind. Bei der etymologischen Analyse der Hydronyme rekonstruierten wir einige in der wepsischen Sprache geschwundene geographische Begriffe: *vadag-* ~ *vadaġ-*, *land-*, *lem-* u. a., die zur semantischen Wortfamilie 'niederer Sumpfort' gehören und *kuk-*, das in Namen von Höhen vorkommt.